

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПИГИН

доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-9306-1421; av-pigin@yandex.ru

РУКОПИСНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

А н н о т а ц и я . В статье проанализированы изменения, которые произошли в севернорусской рукописной книжности Петровской эпохи по сравнению с древнерусским периодом. Материалом для исследования послужили рукописные сборники из Карельского собрания Пушкинского Дома, старообрядческая литература и памятники агиографии. Актуальность исследования обусловлена пристальным вниманием современной филологической науки к процессам трансформации литературы в «переходные эпохи». Самобытным и ярким феноменом севернорусской словесности этой эпохи является литературная школа старообрядческого Выго-Лексинского общежития, усвоившая традиции древнерусской письменности и стиля барокко. Для агиографических сочинений Петровской эпохи характерны усиление документального начала и фольклоризация. Новое явление агиографии этого времени – переложение некоторых житий или их фрагментов стихами (вишневые редакции). Анализ рукописных сборников XVIII века из Карельского собрания Пушкинского Дома свидетельствует о том, что их репертуар ограничивается преимущественно древнерусскими «душеполезными» сочинениями, светские беллетристические произведения еще не вошли в круг чтения местных жителей. Большое внимание в статье уделено также Толковой азбуке 1717 года, составленной в Палеостровском монастыре и призывающей юных читателей к учению.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Петровская эпоха, рукописная книжность, сборники, старообрядчество, агиография, азбуки

Б л а г о д а р н о с т и . Работа выполнена по теме Государственного задания Карельского научного центра РАН № 121070800089-0.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Пигин А. В. Рукописная литература Петровской эпохи на Русском Севере // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 8. С. 66–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.836

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине XVII – начале XVIII века происходит постепенное разделение некогда единой русской литературы на две ветви. Одна из них – элитарная литература – формируется благодаря начавшемуся европейскому влиянию, другая – общедоступная, демократическая – продолжает литературные традиции Древней Руси. Эти две ветви сосуществовали, эволюционируя, в XVIII, XIX и отчасти в XX веке. В те годы, когда свои сочинения создавали Кантемир, Ломоносов, Державин, Карамзин, Пушкин, Достоевский, в русских монастырях, старообрядческих пустынях и крестьянских избах трудились сотни других русских писателей, ориентировавшихся не на европейские образцы, а на древнерусскую словесность во всем много-

образии ее жанров. Эту «вторую» русскую литературу нередко именуют «древнерусской литературой после Древней Руси», понимая под ней

«комплекс литературных памятников, создававшихся с XVIII века вплоть до наших дней, который продолжал сохранять в большей или меньшей степени господствующий дух древнерусской литературы и приверженность ее жанрам» [17: 6].

«Две литературы» различались не только своими литературными истоками, но и формой бытования («древняя» литература преимущественно рукописная, новая – печатная), а писатели и читатели принадлежали к разным социальным слоям: новая европеизированная литература стала достоянием элиты, литература рукописная – средних и низших слоев. Граница между этими литературами не была непроницаемой, и определенное влияние друг на друга они оказывали.

Рукописная литература Петровской эпохи – первый этап в истории «древнерусской литературы после Древней Руси». В трудах А. Н. Пыпина, В. В. Сиповского, В. Н. Перетца, В. П. Адриановой-Перетц, М. Н. Сперанского, Г. Н. Моисеевой, В. Д. Кузьминой, Ю. К. Бегунова, Н. Н. Розова, А. М. Панченко, Е. К. Ромодановской, Э. Малэк, Е. М. Юхименко и других исследователей показаны основные ее особенности, формирование которых начиналось в XVII веке: проникновение фольклора, развитие биографических элементов в агиографии, появление светских произведений в составе сборников, становление художественного вымысла, но при этом усиление документализма, возрастание личностного начала и т. д. Эти процессы происходили как под влиянием новой европеизированной литературы, так и в результате естественной эволюции самой древнерусской книжности. Исследования рукописной литературы рубежа XVII–XVIII веков выполнялись преимущественно на общерусском материале, Е. К. Ромодановская активно привлекала сибирские тексты, изучала специфику местной литературы переходного периода в контексте проблемы областных литератур (например: [18], [19]). Существование разных региональных литературных центров на рубеже XVII–XVIII веков – важный фактор, который необходимо учитывать в изучении литературы этого времени.

* * *

Богатейший севернорусский рукописный материал конца XVII–XVIII века, собранный главным образом в ходе археографических экспедиций XX века, позволяет поставить вопрос о том, происходили ли подобные процессы в рукописной книжности Русского Севера. Какие новые черты появляются здесь по сравнению с древнерусским периодом?

Одно из наиболее значимых явлений севернорусской рукописной литературы Петровской эпохи – Выговская школа. В созданном в конце XVII века к востоку от Повенца Выго-Лексинском старообрядческом общежитии сложились своя литературная традиция и особый тип орнаментированной книги – поморской. Расцвет Выговской школы приходится как раз на Петровскую эпоху благодаря первым настоятелям и плодовитым писателям братьям Денисовым. Литературная школа Выга была ориентирована на традиции элитарной литературы барокко и ученой риторики; в системе жанров на первое место вышли ораторские слова, написанные изысканным витийственным стилем. При этом в полной мере здесь сохранялась и древнерусская

книжность во всем многообразии ее жанров. Феномен Выга – в уникальном и очень органичном сочетании литературных новаций и старины [29], [30].

В севернорусских монастырях на рубеже XVII–XVIII веков не было столь значимых для истории книжности и рукописной литературы центров, каким являлся старообрядческий Выг. Политика Петра I в отношении монастырей, а позднее монастырская реформа Екатерины II привели к утрате русскими обителями своего былого культурного значения. Тем не менее работа по собиранию библиотек, переписке рукописей, созданию новых литературных сочинений продолжалась и здесь (в Соловецком, Александро-Свирском, Антониево-Сийском, Веркольском и других монастырях).

На Архангельском севере развитию книжности способствовал первый архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий (Любимов) (1641–1702) – широко образованный человек, владевший греческим, латинским и немецким языками, сторонник петровских преобразований. Афанасий был основателем библиотеки при архиерейской доме в Холмогорах, автором ряда богословских, полемических и исторических сочинений. В архиерейском доме Афанасием была организована работа по переписке книг, часть из которых по его повелению присылалась с этой целью из северных монастырей. Переписка книг поручалась здесь, согласно выводам М. В. Кукушкиной,

«не профессионалам-писцам, а искусным и грамотным служителям, скорее всего дьякам-делопроизводителям, которые занимались книгописанием, имея и другие обязанности» [9: 196].

Исследование почерков, переплетов, оформления, бумаги и записей в рукописях, вышедших из-под пера этих писцов, позволяет говорить об особой книгописной школе Афанасия Холмогорского [9: 185–197]. Архиерей сам наблюдал за работой своих писцов, придавал большое значение качеству – древности и исправности – копируемых списков, а также четкости почерков и соблюдению правил орфографии. Новаторская – ученая – черта этой школы заключается в выборе списков литературного памятника для копирования в результате их тщательного текстологического анализа. В этом отношении школа Афанасия Холмогорского близка Выговской старообрядческой школе. Книгописная школа Афанасия Холмогорского оказала «влияние на развитие севернорусской рукописной книжности в целом» [9: 197], а в частности – на скорописные почерки многих севернорусских руко-

писей рубежа XVII–XVIII веков, отличающиеся каллиграфическим изяществом.

Ясное представление о круге чтения средних и низших слоев (горожан, крестьян, старообрядцев, низшего духовенства, военных низших чинов и т. д.) дают сами рукописи, прежде всего сборники. Классификация рукописных сборников XVIII века на основе более 500 рукописей из московских и петербургских хранилищ была осуществлена в 1920–1930-е годы М. Н. Сперанским [25: 28–47]. Исследователь разделил изученные им сборники на пять групп. К первой группе он отнес сборники, в которых представлен почти весь круг интересов читателей начала XVIII века: от жития до бытовой сатиры и сказки с былинной, «но отзвуков современных переживаний в виде литературных произведений петровского времени» здесь еще нет [25: 31]. Сборники второй группы обнаруживают тяготение к занимательной повести, как древнерусской, так и переводной. Сборники третьей группы включают беллетристический материал преимущественно XVIII века, четвертой группы – тексты делового, практического, учебного характера, записи о современных событиях, политический памфлет. Эти сборники особенно тесно «связаны с передовой литературой петровской поры и второй четверти XVIII в.» [25: 32]. Наконец, пятую группу составляют поэтические сборники, включающие канты, псалмы, духовные стихи и светские песни.

М. Н. Сперанский уделил большое внимание общественной среде, в которой создавался и читался сборник, но региональный аспект практически не учитывал. К тому же, в соответствии со своим пониманием истории русской литературы XVIII века, он не придавал большого значения сборникам религиозно-учительным, старообрядческим, монастырским и церковным, полагая, что они играли «незначительную роль в развитии литературы XVIII в.» [25: 27]¹. Эти ограничения сужают возможности использования предложенной ученым классификации.

Рассмотрим состав рукописных сборников XVIII века на примере одного из самых крупных севернорусских собраний – Карельского собрания ИРЛИ, основу которого составляют рукописи Поморья. Из 600 единиц хранения в этом собрании более трети рукописей датируется XVIII веком (сузить хронологический диапазон достаточно сложно, поскольку большинство рукописей в имеющемся описании датированы в пределах века). Около 70 рукописей – это литературные сборники XVIII века, кроме того, отдельные рукописи XVIII века включают только одно произведение (например, житие или повесть).

Большинство сборников XVIII века из Карельского собрания было создано в старообрядческой среде (даже если они не включают собственно старообрядческие тексты), поэтому отмеченные М. Н. Сперанским характерные для той или иной группы признаки здесь выражены крайне слабо.

Светская беллетристика представлена в Карельском собрании переводной Повестью о Калеандре и Неонильде в списке первой половины XVIII века (Карел. 160). Это довольно объемный рыцарский роман [28]; тексты такого рода активно переводились на русский язык преимущественно с польского на рубеже XVII–XVIII веков и были популярны в эпоху Петра I. Интересно, что повесть не пришлась по вкусу читателю «карельского» списка, оставившему в рукописи такую запись: «Сия книга мною прочтена, а ничего блага не получено, едакая глупость была в древние времена, а ноне все по-своему происходит» (л. 10–11, запись XVIII века). Читатель осмыслил этот беллетристический текст в древнерусском духе: вымышленный сюжет был понят им как подлинные события «древних времен» (пусть и «глупость»), а целью чтения являлось для него получение «блага», то есть пользы или знаний, а не развлечение и художественное наслаждение.

Условно к сборникам второй группы, по М. Н. Сперанскому, может быть отнесена рукопись № 217, состоящая из Повести о царице и львице и повестей из Звезды Пресветлой, включающей также некоторые русские богородичные легенды. Повесть о царице и львице [27], как и Повесть о Калеандре, восходит к западноевропейскому роману, хотя является не переводом его, а переделкой. Однако русского читателя она больше привлекала своими житийными «душеполезными» чертами, чем и объясняется большое число дошедших ее списков.

В сборнике Карельское собр., № 42 из печатных книг переписаны проповеди Феофана Прокоповича, Дмитрия (Сеченова), Платона (Левшина) и других проповедников XVIII века.

В целом же основу «карельских» сборников XVIII века составляет древнерусская словесность: жития святых, «душеполезные» повести, слова Отцов церкви, выписки из Пролога и т. д. – то есть тот материал, который перешел сюда из сборников XVII века и более раннего времени. В старообрядческих сборниках словесность петровского времени представлена только сочинениями выговских авторов (Андрея и Семена Денисовых и др.), а также компиляциями из древнерусских сочинений на тему самоубий-

ства и других актуальных для старообрядцев вопросов (Карел. 14). Прямым откликом на новшества петровского времени являются статьи, осуждающие брадобритие, европейские одежды, употребление чая и кофе, трактующие самого Петра I как антихриста, но такие сочинения встречаются преимущественно в сборниках старообрядцев-странников конца XVIII–XIX века. Сборники пятой группы, по М. Н. Сперанскому, – поэтические – в Карельском собрании, как и в других северных собраниях, представлены преимущественно поздними стиховниками конца XVIII – начала XX века, содержащими произведения религиозной поэзии. Сочинения светской поэзии петровского времени в них, как правило, отсутствуют.

Похожий состав рукописей петровского времени характерен и для других северных регионов, например для Пинеги. Согласно выводам Н. В. Савельевой, «наивысшего расцвета» рукописная традиция Пинеги достигает как раз в первой четверти XVIII века, но, в отличие от Карелии (Поморья), она не связана «с движением старообрядцев, а продолжается в русле господствующей церкви» [16: 17]. Литературные сборники этого времени создаются «местными священниками, иноками Веркольского монастыря и крестьянами, близкими церковным кругам». Но и эти сборники ориентированы на старину: они «сосредоточили в себе все черты древнерусской книжной и литературной традиции предшествующего периода» [16: 18].

В Петровскую эпоху и в целом в XVIII веке продолжилось формирование местных литературных очагов – начало этого процесса приходится на период после Смутного времени. Во многих регионах, в том числе на Севере, в XVIII веке создаются жития местночтимых святых, повести о чудотворных иконах и монастырях, местные летописцы. Писатели-«краеведы» в новой реформирующейся России пытались запечатлеть в литературной форме сакральную историю своей земли, нередко обращаясь при этом к фольклорным преданиям.

К памятникам севернорусской агиографии конца XVII – первой четверти XVIII века относятся, например, жития тотемских святых Андрея, Вассиана (Тиксненского) и Максима (в последнем случае только чудеса); Сказание о Казанской иконе Божией Матери в Каргополе; литературный цикл, посвященный Заоникиевской пустыни близ Вологды; Сказание о иконе Варвары Великомученицы в Ярнеме; Сказание о иконе Троицы Соезерской пустыни (редакция с чудесами начала XVIII века); Повесть об ос-

новании Голгофо-Распятского скита на Анзерском острове; Чудеса Параскевы Пиринемской на Пинеге, безымянного Сумского чудотворца и другие. Индивидуальные особенности каждого из этих сочинений не мешают выделить и некоторые их типовые черты.

Как правило, это небольшие по объему памятники, написанные простым, без риторических украшений языком. Древнерусский принцип абстрагирования уступает здесь место фактографической точности, ориентации на документ. Как и в древнерусский период, агиографы начала XVIII века пытаются порой объединить сочинения, посвященные одной святыне, в некие циклы. «Монографические» сборники² Древней Руси включали обычно службу святому, житие с посмертными чудесами, похвальное слово и молитвы. В XVIII веке цикл получает расширение за счет разнообразных других текстов. Так, круг сочинений о Заоникиевской пустыни составляют не только Слово на память чудотворца Иосифа (основателя пустыни) и Сказание о местной иконе Богоматери, но и рассказ о посещении монастыря Вологодским епископом Павлом в 1717 году. Сказание о Казанской иконе Божией Матери в Каргополе дополнено в рукописях двумя посланиями об этой иконе Новгородского митрополита Иова – архимандриту Спасо-Преображенского каргопольского монастыря Иоакиму и «гражданам каргопольским» (1714 год)³.

На Соловках велась работа по объединению в сборники рукописных памятников, посвященных соловецким святым. В 1703 году ссыльный чудовский дьякон Иов составил сборник «Сад спасения», в который вошли Жития Зосимы и Савватия Соловецких, в том числе Виршевая редакция, Повесть о Германе Соловецком, изложение житий других соловецких святых в Предисловии, службы и похвальные слова. На протяжении XVIII века «Сад спасения» несколько раз редактировался, и некоторые из перечисленных текстов вошли в сборник в процессе его переработки. Особенностью этого сборника, отличающей его от «житийников» древнерусского периода, является отчетливая ориентация на барочную поэтику в построении текста. По мнению О. В. Панченко, «Сад спасения» – это агиографический вариант сборника «литературного сада», построенного по типу антологии. Предисловие к сборнику написано в традиционном для Петровской эпохи жанре панегирика. Использованные в нем поэтические символы («солнца», «небесных светил», «многомятежного моря») и усложненный синтаксис также

свидетельствуют об ориентации автора на литературную традицию барокко. Один из списков сборника, 1711 года, украшен в барочном духе 275 миниатюрами [12].

Почитание некоторых святых и святынь, которым посвящены сказания, принадлежит области народного православия, тексты близки фольклорной культуре, чудесное совмещается с бытовым. По наблюдениям А. Н. Власова, в Сказании о иконе Троицы Соезерской пустыни Троица воспринимается как «антропоморфное женского рода существо» [4: 308]. В этом же произведении содержится чудо (1718 год) о наказании человека, положившего во уста перед посещением святыни «треклятую траву табаку» [4: 336]. Характерный мотив – запрет на матерную брань, с которым к персонажам произведений обращается Богородица. Так реализуется народное представление о матерной брани как об оскорблении трех матерей – родной матери, матери-земли и Пресвятой Богородицы (ср. в древнерусском «Слове о матерной брани») [1].

Приметы литературы Петровской эпохи иногда проявляются в использовании более редких мотивов, имеющих иное происхождение. Так, по мнению Д. М. Буланина, восхождение на гору Голгофу иеросхимонаха Иисуса в Повести об основании Голгофо-Распятского скита «весьма символично и заставляет вспомнить подвижников католического мира»; этот нюанс указывает на то, что повесть «была составлена в эпоху приобщения России к западноевропейской культуре» [3: 522].

В XVIII веке, в том числе в Петровскую эпоху, не прекращается редактирование древнерусских житий святых. В конце XVII – первые десятилетия XVIII века были созданы Историческая и Виршевая редакции Жития Антония Сийского [20: 173–195], Украшенная редакция Жития Александра Свирского [23], виршевые редакции житий Никодима Кожеозерского и Логгина Коряжемского, редакция с 85 чудесами Жития Артемия Веркольского [5: 253], новый вариант Основной редакции Жития Кирилла Новоезерского с сопровождающими его новыми текстами о святом (лицевой «Кирилловский сборник») [7: 103 и далее] и многие другие. Редактирование могло заключаться в добавлении новых чудес, но иногда приводило к существенной перестройке всего текста, причем как его сокращению, так и распространению за счет дополнительных эпизодов и «украшению». Сохраняется и традиция составления крупных календарных сводов житий: в начале XVIII века старообряд-

ческими книжниками Выга были подготовлены Выговские четии минеи [32].

Примечательно появление на рубеже веков виршевых переложений житий, созданных под влиянием русской силлабической поэзии второй половины XVII века (Симеона Полоцкого и др.) [21]. В Украшенной редакции Жития Александра Свирского виршами переложена только одна глава – послесловие автора Жития игумена Иродиона и добавлены стихотворное предисловие («Краегранесие») и акrostих – своеобразная стихотворная подпись к «Сказанию на преставление» Александра Свирского. Стилистической обработке – «украшению» – подвергся и язык этой редакции, что вместе с роскошными миниатюрами в некоторых списках позволяет говорить о традициях барочной культуры. По мнению А. Е. Соболевой, образцом для новой редакции Жития и стихотворных украшений послужило печатное издание «Повесть о Варлааме и Иоасафе» (М., 1681) со стихотворными текстами Симеона Полоцкого. Автором Украшенной редакции Жития и стихотворных включений А. Е. Соболева считает архимандрита Александро-Свирского монастыря Исайю (1705–1708 годы), но допускает, что «Краегранесие» было написано книжником того же монастыря иноком Иоасафом [23].

Реалии Петровской эпохи нашли прямое отражение в одной из редакций Сказания о явлении и о чудесах Вассиана и Ионы Пертоминских – соловецких иноков, утонувших в Унской губе Белого моря в 1566 году и ставших объектом почитания [2]. В первой четверти XVIII века на основе первоначального текста Сказания была создана пространная редакция, в состав которой вошел рассказ о посещении Пертоминского монастыря Петром I во время его путешествия из Архангельска на Соловки в 1694 году. Событие было осмыслено как чудо, поскольку корабль царя нашел укрытие от шторма в Унской губе. В благодарность Вассиану и Ионе за спасение от потопления царь повелел освидетельствовать мощи святых и положить их в новый гроб. Пертоминскому монастырю были даны денежные средства на благоустройство, а на том месте, где корабль царя пристал к берегу, Петр I установил деревянный крест, изготовленный собственными руками. Выполняющий в Сказании функцию посмертного чуда святых, этот рассказ больше напоминает историческое сочинение.

Повествование о Петре I содержится не во всех списках пространной редакции – в списке из выговской рукописи (Поморского Торжественника)

ГИМ, Музейское собр., № 1510 оно было снято. По мнению Е. А. Рыжовой, посвятившей этому списку отдельную статью, сокращение «было сделано преднамеренно: как известно, старообрядцы весьма негативно относились к личности и деятельности Петра I» [22: 138]. Нет сомнений, что сокращение действительно «было сделано преднамеренно», но с предложенным Е. А. Рыжовой объяснением согласиться трудно: выговские литературные сочинения свидетельствуют об исключительно позитивном восприятии выговцами Петра I как мудрого и милосердного правителя [6], [14], [31]. Причина, скорее, в другом: старообрядцы не могли принять факт прославления древнерусских святых после никоновских реформ и по инициативе российской власти.

Выше был упомянут инок Александр-Свирского монастыря Иоасаф – возможный автор «Краегранесия» в Украшенной редакции Жития Александра Свирского. Деятельность этого севернорусского книжника Петровской эпохи можно представить более подробно. Сегодня известны по крайней мере четыре составленные им рукописи: Страсти Христовы, 1713 год (БАН, собр. Александр-Свирского монастыря, № 14); Житие Александра Свирского, 1715 год (Отдел древнерусского искусства ГРМ, др. гр. 26); Страсти Христовы, 1717 год (БАН, собр. Археологического института, № 24); Толковая азбука (Палеостровская азбука), 1717 год (НА КарНЦ РАН, р. 1, оп. 2, д. 92). Из записей, оставленных им в рукописях, удастся получить некоторые биографические сведения о нем. Иоасаф был уроженцем Москвы, принял постриг в Александр-Свирском монастыре, исполнял здесь обязанности канонарха, в 1717 году находился в Палеостровском монастыре на Онежском озере⁴.

Рукопись с Житием Александра Свирского

«украшена заставкой с изображением основателя монастыря (л. 7), большими и пышными инициалами “поморского стиля”, двумя миниатюрами – “Явление Святой Троицы преподобному Александру Свирскому” (л. 6 об.) и “Преставление преподобного Александра” (л. 245)» [24: 211].

Каллиграфические почерки – полуустав и скоропись, которыми владел Иоасаф, наводят на мысль, что художественное оформление этой рукописи тоже может принадлежать ему.

В 1717 году, когда Иоасаф находился уже в Палеостровском монастыре, им была составлена азбука-свиток, о чем сообщает запись в самом конце этой рукописи: «Лета от Рождества Христова 1717. Написана бысть в Палеостровском монастыре рукою инока Иоасафа». Толковые азбуки

(или азбуки-акростихи, азбуки-границы) известны в русских рукописях начиная с XIV–XV веков. Их содержание составляют «душеполезные» тексты (молитвы, изложение библейских сюжетов, поучения и т. д.), в которых каждое новое предложение начинается с очередной буквы алфавита. Созданные первоначально как памятники вероучительного характера для христиан всех возрастов, толковые азбуки постепенно вошли в учебную практику, стали применяться для обучения детей грамоте. Они заучивались наизусть и служили одним из способов для запоминания алфавита или же для закрепления этих знаний [15]. Нередко азбуки записывались на свитках, склеенных из нескольких листов бумаги и достигающих в длину 9–10 метров. Как отмечает исследователь этих памятников Е. А. Мишина, самые ранние списки азбук-свитков датируются 20-ми годами XVII века, а в употреблении они сохранялись на протяжении всего XVIII века [11].

Палеостровская азбука представляет собой именно такой свиток, разворачивающийся почти на 6 метров. Азбука составлена в форме поучения опытного мудрого человека к «юноше», еще только вступающему в жизнь. Главная ее тема – необходимость учиться: «...ученых людей слушай наказания», «доброму всякому учению внимай», «емлися учению, чтению, пению» и т. д. Одновременно автор заповедует «юноше» избегать тех соблазнов, пороков (особенно пьянства) и «злых людей», которые отвращают от учения и ведут к гибели души: «...злаго обычая не держися, со юношами, и с блудники, и с корчемники, и со младыми женами не водися», «не спи долго, не гуляй безгодно» и др. Важная мысль азбучного поучения заключается также в том, что доброе учение возможно только при полном послушании родителям.

К сожалению, без тщательного источниковедческого и текстологического анализа русских толковых азбук невозможно судить о степени самостоятельности составителя Палеостровской азбуки: был ли Иоасаф автором азбуки или только переписал ее. Очевидно вместе с тем, что своим настойчивым призывом к учению азбука вполне соответствует духу Петровской эпохи – начала русского Просвещения. В том же 1717 году в Санкт-Петербурге была издана и знаменитая книга для дворянских детей «Юности честное зерцало», с которой Палеостровская азбука перекликается некоторыми своими идеями. По всей видимости, Иоасаф составил эту азбуку для кого-то из мирян, проживавших в расположенном неподалеку старинном селе Толвуя: в 1724 году она принадлежала, со-

гласно владельческим записям, жителю Толвуйского погоста Семену Семенову Колмакову. Палеостровская азбука интересна, таким образом, как ценное свидетельство культурного влияния заонежских монастырей на местное крестьянство (подробнее см.: [13], [26]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе анализа рукописного репертуара севернорусских сборников Петровской эпохи и последующих десятилетий можно сделать вывод о том, что круг чтения жителей севернорусских земель мало изменился в это время по сравнению с древнерусским периодом. Светские сочинения еще не успели проникнуть в севернорусскую книжность или, точнее, являются здесь большой редкостью. Если в высокой элитарной литературе Петровской эпохи происходит приоста-

новка в развитии («Это самая “нелитературная” эпоха за все время существования русской литературы» [10: 18]), то в рукописной литературе никакой паузы мы не наблюдаем. Традиция переписки рукописей, создания новых сочинений и редактирования древних сохраняется с разной степенью интенсивности и в монастырской, и в крестьянской, и в старообрядческой среде. Новые черты, особенно отчетливые в агиографии, заключаются прежде всего в усилении документального начала и фольклоризации. Влияние элитарной литературы проявляется в барочных элементах, создании виршевых и риторических текстов. Наиболее ярко и последовательно это влияние выразилось в литературе Выга, которая по праву может считаться художественной вершиной рукописной литературы Русского Севера Петровской эпохи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН – Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург)
 ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
 ГРМ – Государственный Русский музей (С.-Петербург)
 ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (С.-Петербург)
 НА КарНЦ РАН – Научный архив Карельского научного центра Российской академии наук
 ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В книге М. Н. Сперанского отдельно предлагается краткий обзор церковношкольных (религиозно-нравоучительных) и старообрядческих сборников XVIII века [25: 100–122]. Рассмотрение этих рукописных книг вне основной классификации сборников объясняется тем, что автор отводил им маргинальное положение в истории русской литературы XVIII века. Основное направление развития литературы в XVIII веке заключалось, по М. Н. Сперанскому, в ее неуклонном «обмирщении», а потому сборники религиозного содержания, составляющие в действительности основу русской рукописной книжности XVIII века, не укладывались в эту схему. Свой труд о сборниках XVIII века М. Н. Сперанский создавал до археографических экспедиций на Русский Север В. И. Малышева и его учеников. Появление Древлехранилища в Пушкинском Доме в корне изменило и представления о месте поздней рукописной книги в истории русской словесности, и приоритеты в ее изучении.
- ² Под «монографическим агиографическим сборником» понимается «рукописный комплекс текстов (Житие, Служба, Похвальное слово и др.), посвященных одному святому» [8: 240].
- ³ См.: Материалы для истории Олонецкой епархии: акты, хранящиеся в Каргопольском Христорождественском соборе (1714 г.) // Олонецкие губернские ведомости. 1877. № 93. С. 1074–1075; № 95. С. 1095–1097.
- ⁴ В 1719–1720 годах некий Иоасаф был игуменом Палеостровского монастыря (Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 998), но для отождествления его с книжником Иоасафом дополнительных сведений нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабалык М. Г. К изучению рукописной традиции «Слова о матерной брани» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 7 (144). С. 66–69.
2. Белоброва О. А., Симонов А. Н. Сказание о явлении и о чудесах Вассиана и Ионы Пертоминских // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3: П–С. С. 454–457.
3. Буланин Д. М. Повесть о основании Голгофо-Распятского скита // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Вып. 3 (XVII в.), ч. 4: Т–Я. Дополнения. С. 521–523.
4. Власов А. Н. Сказания и повести о местночтимых святынях и чудотворных иконах Вычегодско-Северодвинского края XVI–XVIII вв.: Тексты и исследования. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. 780 с.
5. Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1973. 303 с.

6. Журавель О. Д. «Той, от него же вся Россия поколебася»: еще раз об отношении старообрядцев Выга к царской власти // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск: Изд-во Сибирского отд-ния РАН, 2015. С. 70–86.
7. Карбасова Т. Б. Кирилл Новоезерский: история почитания. Исследование и тексты. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. 559 с.
8. Карбасова Т. Б. Монографический агиосборник как тип (на примере сборника, посвященного Кириллу Новоезерскому) // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. Т. 2. С. 240–248.
9. Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. Л.: Наука. Ленинградское отд-ние, 1977. 223 с.
10. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 359 с.
11. Мишина Е. А. Азбуки-свитки XVII–XVIII веков // От Средневековья к Новому времени: Сборник статей в честь Ольги Андреевны Белобровой. М.: Индрик, 2006. С. 419–431.
12. Панченко О. В. Книга «Сад спасения» – соловецкий агиографический свод переходной эпохи: история текста // ТОДРЛ. СПб. Т. 69 (в печати).
13. Пигин А. В. Азбука-свиток из Палеостровского монастыря // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 2011. Вып. 6. С. 63–71.
14. Пигин А. В. Петр I и Петербург в сочинениях писателей-старообрядцев Выговской поморской пустыни // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 77–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.375
15. Пигин А. В., Бабалык М. Г. «Аз ти глаголю добрейшее, юноше...»: о некоторых учебных текстах в русских рукописях XVIII–XIX вв. // «Мудрости бо ти имя подадеса...»: Сборник статей к юбилею профессора Софьи Михайловны Лойтер. Петрозаводск: Изд-во Карельской гос. пед. академии, 2011. С. 10–21.
16. Пинежская книжно-рукописная традиция XVI – начала XX вв. Опыт исследования. Источники. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1: Савельева Н. В. Очерк истории формирования пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников. 721 с.
17. Понырко Н. В. Древнерусская литература после Древней Руси // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2020. Т. 20. С. 5–23.
18. Ромодановская Е. К. К вопросу о региональном типе жанровой системы русской литературы XVII–XVIII вв. // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. М.: Индрик, 2015. Т. 1. С. 819–828.
19. Ромодановская Е. К. О круге чтения сибиряков в XVII–XVIII вв. в связи с проблемой изучения областных литератур // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. М.: Индрик, 2015. Т. 1. С. 71–95.
20. Рыжова Е. А. Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского. Книжные центры Русского Севера. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2000. 370 с.
21. Рыжова Е. А. Виршевые редакции севернорусских житий // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 195–235.
22. Рыжова Е. А. Поморский список Пространной редакции Сказания о Вассиане и Ионе Пертоминских // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2019. Вып. 3 (11). С. 126–149.
23. Соболева А. Е. «Сия вирши изложенны до читателя» в Житии прп. Александра Свирского XVIII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 97–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.792
24. Соловьева И. Д. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. Художественное наследие и историческая летопись. СПб., 2008. 511 с.
25. Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 268 с.
26. Старостина Т. В. Народные этические представления и палеостровская азбука 1717 г. // Научная конференция по итогам работ за 1965 год. Май 1966 года. Секция исторических наук: Тез. докл. Петрозаводск, 1966. С. 78–81.
27. Чалкова (Ведерникова) Т. Ф. Повесть о царице и львице // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3 (XVII в.), ч. 3: П–С. С. 231–233.
28. Щеглова С. А. Драма и роман о Калеандре и Неонилде // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. 14. С. 500–503.
29. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 480 с.
30. Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 1. 688 с.; Т. 2. 568 с.
31. Юхименко Е. М. Самодержавие и правоверие в литературе выговского старообрядчества // *Pisarz i władza (od Awwakuma do Sołżenicyna)*. Łódź, 1994. S. 34–41.
32. Юхименко Е. М. Чети и Минеи братьев Денисовых. Новые находки // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. С. 302–308.

Поступила в редакцию 14.07.2022; принята к публикации 17.10.2022

Alexander V. Pigin, Dr. Sc. (Philology), Professor, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-9306-1421; av-pigin@yandex.ru

HANDWRITTEN LITERATURE OF PETER THE GREAT'S EPOCH IN THE RUSSIAN NORTH

Abstract. The article analyzes some of the changes in the northern Russian manuscript literature of the Peter the Great's epoch compared with the Old Russian period. The materials for the study were the handwritten books from the Karelian collection of the Pushkin House, Old Believers' literature, and hagiographic works. The relevance of the research is due to the close attention of modern philological science to the processes of literature transformation in so-called "transitional epochs". One of the distinctive and significant phenomena of the northern Russian literature of this period is the literary school of the Vyg Old Believers' Community, which assimilated the traditions of the Old Russian written literature and the Baroque style. The hagiographic works of the Peter the Great's epoch are characterized by increased documentary accuracy and active absorption of folklore elements. A new phenomenon in the hagiography of that time was the transcription of some saints' lives or their fragments in verse (verse editions). The analysis of the handwritten books of the XVIII century from the Karelian collection of the Pushkin House indicates that their content was limited mainly to Old Russian "soulful" texts, as secular fiction works had not yet been introduced to local readers. The article also focuses on the Alphabet of 1717, compiled in the Paleostrovsky Monastery and encouraging young readers to study.

Key words: Petrine epoch, handwritten books, collected volumes, Old Believers, hagiography, alphabets

Acknowledgements. The research was conducted as part of the state assignment No 121070800089-0 given to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Pigin, A. V. Handwritten literature of Peter the Great's epoch in the Russian North. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(8):66–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.836

REFERENCES

1. Babalyk, M. G. On study of manuscript tradition of the "Word about obscene language". *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2014;7(144):66–69. (In Russ.)
2. Belobrova, O. A., Simonov, A. N. The tale of the occurrence and miracles of Bassian and Jonah of Pertominsk. *Dictionary of scribes and literature of Ancient Russia*. St. Petersburg, 1998. Issue 3 (XVII century). Part 3. P–S. P. 454–457. (In Russ.)
3. Bulanin, D. M. The tale of the foundation of the Golgotha-Crucifixion Skete. *Dictionary of scribes and literature of Ancient Russia*. St. Petersburg, 2004. Issue 3 (XVII century). Part 4. T–Ya. Additions. P. 521–523. (In Russ.)
4. Vlasov, A. N. Tales and stories about locally venerated saints and miraculous icons of the Vychegda-Severodvinsk region of the XVI–XVIII centuries: texts and studies. St. Petersburg, 2011. 780 p. (In Russ.)
5. Dmitriev, L. A. The life stories of the Russian North as literary monuments of the XIII–XVII centuries: The evolution of the genre of legendary and biographical tales. Leningrad, 1973. 303 p. (In Russ.)
6. Zhuravel', O. D. "He who caused the entire Russia to shudder": another look at the Vyg Old Believers' attitude to the imperial power. *Religious and political ideas in the works of Russian cultural figures of the XVI–XXI centuries*. Novosibirsk, 2015. P. 70–86. (In Russ.)
7. Karbasova, T. B. Cyril Novoezersky: the history of veneration. Research and texts. Moscow; St. Petersburg, 2011. 559 p. (In Russ.)
8. Karbasova, T. B. Monographic hagiography codex as a type (on the example of a codex dedicated to Cyril Novoezersky). *Russian hagiography: Research. Materials. Publications*. St. Petersburg, 2011. Vol. 2. P. 240–248. (In Russ.)
9. Kukushkina, M. V. Monastic libraries of the Russian North. Essays on the history of the book culture of the XVI–XVII centuries. Leningrad, 1977. 223 p. (In Russ.)
10. Likhachev, D. S. Poetics of Old Russian literature. Moscow, 1979. 359 p. (In Russ.)
11. Mishina, E. A. Alphabet scrolls of the XVII–XVIII centuries. *From the Middle Ages to the early modern time: collection of articles dedicated to Olga Andreevna Belobrova*. Moscow, 2006. P. 419–431. (In Russ.)
12. Panchenko, O. V. The book "The Garden of Salvation" as a Solovetsky hagiographic codex of the transitional era: the history of the text. *Proceedings of the RAS Department of Old Russian Literature*. St. Petersburg. Vol. 69. (In print). (In Russ.)
13. Pigin, A. V. An alphabet scroll from the Paleostrovsky Monastery. *Bulletin of the Karelian Museum of Local Lore*. Petrozavodsk, 2011. Issue 6. P. 63–71. (In Russ.)
14. Pigin, A. V. Peter the Great and St. Petersburg in the works of the Old Believer writers of the Vyg Community. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;6(183):77–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.375 (In Russ.)
15. Pigin, A. V., Babalyk, M. G. 'I'm telling you the kindest thing, young man...': about some educational texts in Russian manuscripts of the XVIII–XIX centuries. "You have been given the name of wisdom...":

- collection of articles dedicated to the anniversary of Professor Sophia Mikhailovna Loiter*. Petrozavodsk, 2011. P. 10–21. (In Russ.)
16. Manuscript book tradition of Pinega between the XVI and the early XX centuries. Research experience. Sources. St. Petersburg, 2003. Vol. 1: Savel'eva, N. V. An essay on the history of the formation of the Pinega manuscript book tradition. Description of handwritten sources. 721 p. (In Russ.)
 17. P o n y r k o , N. V. Old Russian literature after Ancient Russia. *Library of Old Russian Literature*. St. Petersburg, 2020. Vol. 20. P. 5–23. (In Russ.)
 18. R o m o d a n o v s k a y a , E. K. The regional type of the genre system of Russian literature in the XVII–XVIII centuries. *Circles of times: In memory of Elena Konstantinovna Romodanovskaya*. Moscow, 2015. Vol. 1. P. 819–828. (In Russ.)
 19. R o m o d a n o v s k a y a , E. K. The range of reading of the Siberians in the XVII–XVIII centuries in the context of studying regional literatures. *Circles of times: In memory of Elena Konstantinovna Romodanovskaya*. Moscow, 2015. Vol. 1. P. 71–95. (In Russ.)
 20. R y z h o v a , E. A. The Monastery of Antonius Siysky. The Life of Antonius Siysky. Book centers of the Russian North. Syktyvkar, 2000. 370 p. (In Russ.)
 21. R y z h o v a , E. A. Verse editions of northern Russian hagiographies. *Russian hagiography: Research. Publications. Debates*. St. Petersburg, 2005. P. 195–235. (In Russ.)
 22. R y z h o v a , E. A. Pomors list of the extensive edition of the Tale of Vassian and Iona Pertominsky. *Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*. 2019;3(11):126–149. (In Russ.)
 23. S o b o l e v a , A. E. “Verses presented to readers” in *The Life of St. Alexander Svirsky* dating from the XVIII century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(5):97–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.792 (In Russ.)
 24. S o l o v ' e v a , I. D. The Holy Trinity Monastery of Alexander Svirsky. Literary heritage and historical chronicle. St. Petersburg, 2008. 511 p. (In Russ.)
 25. S p e r a n s k i y , M. N. Handwritten collections of the XVIII century. Materials for the history of Russian literature of the XVIII century. Moscow, 1963. 268 p. (In Russ.)
 26. S t a r o s t i n a , T. V. Folk ethical ideas and the Paleostrovsky alphabet of 1717. *Research conference based on 1965 research results. May 1966. History section: Abstracts of reports*. Petrozavodsk, 1966. P. 78–81. (In Russ.)
 27. C h a l k o v a (V e d e r n i k o v a) , T. F. The tale of the queen and the lioness. *Dictionary of scribes and literature of Ancient Russia*. St. Petersburg, 1998. Issue 3 (XVII century). Part 3. P–S. P. 231–233. (In Russ.)
 28. S h c h e g l o v a , S. A. A drama and a novel about Kaleander and Neonilda. *Proceedings of the RAS Department of Old Russian Literature*. Moscow; St. Petersburg, 1958. Vol. 14. P. 500–503. (In Russ.)
 29. Y u k h i m e n k o , E. M. The Vyg Old Believers' Community: Spiritual life and literature. Moscow, 2002. Vol. 1. 544 p.; Vol. 2. 480 p. (In Russ.)
 30. Y u k h i m e n k o , E. M. The literary heritage of the Vyg Old Believers' Community. Moscow, 2008. Vol. 1. 688 p.; Vol. 2. 568 p. (In Russ.)
 31. Y u k h i m e n k o , E. M. Autocracy and the right faith in the Vyg Old Believers' literature. *Pisarz i władza (od Awwakuma do Solżenicyna)*. Łódź, 1994. P. 34–41. (In Russ.)
 32. Y u k h i m e n k o , E. M. The *Menaion* of the Denisov brothers. New findings. *Russian hagiography: Research. Materials. Publications*. St. Petersburg, 2011. P. 302–308. (In Russ.)

Received: 14 July, 2022; accepted: 17 October, 2022